ДЖЕРРИ ТОНЕР

18+

БЕССЛАВИЕ

ПРЕСТУПНЫЙ ДРЕВНИЙ РИМ

Джерри Тонер

Бесславие: Преступный Древний Рим

«Олимп-Бизнес»

2019

УДК 331-94(3+4)
ББК 65.290я73:63.3(0)32-28

Тонер Д.

Бесславие: Преступный Древний Рим / Д. Тонер — «Олимп-Бизнес», 2019

ISBN 978-5-9693-0415-4

В своей новой книге замечательный исследователь античного мира и автор бестселлеров профессор Джерри Тонер рассматривает формы и содержание преступности в Римской империи. Опираясь на многочисленные источники — как широко известные, так и архивные, — автор раскрывает социально-экономические причины, толкавшие на преступление людей из разных слоев общества. В поле зрения Тонера — виды и состав правонарушений в древности, а также последствия, ожидавшие в те времена грабителей и убийц, — от казни на гладиаторской арене до пожизненного приговора к бесславию. Особое внимание уделяется эволюции римского права, которое в своем законченном виде станет фундаментом цивилизации Запада. Комплексный подход и популярный стиль изложения позволяют рекомендовать издание специалистам — юристам и историкам — и самому широкому кругу читателей.

УДК 331-94(3+4)
ББК 65.290я73:63.3(0)32-28

ISBN 978-5-9693-0415-4

© Тонер Д., 2019
© Олимп-Бизнес, 2019

Содержание

Предисловие автора к первому изданию на русском языке 6
Обвинение 7
Рим – к ответу! 7
Доказательства 14
Глава 1 14
Насилие по-римски 15
Рим погряз в насилии? 16
Классификация насильственных преступлений 19
…А врагов держи еще ближе! 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Джерри Тонер
Бесславие: Преступный Древний Рим

Jerry Toner
Infamy
The Crimes of Ancient Rome
Copyright © Jerry Toner, 2019
First published in Great Britain in 2019 by PROFILE BOOKS LTD

Научный редактор – Т. А. Михайлова, кандидат филологических наук, старший преподаватель Института лингвистики РГГУ

.

© Jerry Toner, 2019. All rights reserved
© Перевод на русский язык, издание, оформление. Издательство «Олимп-Бизнес», 2021

Предисловие автора к первому изданию на русском языке

ЧТО В ЭТОЙ КНИГЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИНТЕРЕС ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ? Я бы сказал, очень немногое.

Здесь рассказывается, насколько древнеримское государство было изъедено преступностью и коррупцией, как бездействовали чиновники, вместо того чтобы помогать бесправным жертвам преступлений получать с лихоимцев хоть какую-то компенсацию ущерба. Несправедливость и безнаказанность преступников казались издержками управления огромной империей. Лично император, являвшийся и триединым главой законодательной, исполнительной и судебной власти, и высшим источником римского права, имел возможность совершать вопиющие беззакония и вести себя как последний подонок. Богатство не служило защитой представителям высшего класса. Когда императору Тиберию срочно понадобилось пополнить казну, он заставил богатого римлянина по имени Гней Лентул Авгур отписать ему в завещании всё свое имущество, а затем принудил беднягу к самоубийству. Никто в империи не имел гарантий личной безопасности.

Говорить правду в лицо власти в Римской империи было делом опасным. Представителям всех сословий полагалось превозносить и воспевать государя: простонародью – скандируя его имя с трибун во время представлений; сенаторской элите – восхваляя в стихах и пафосных панегириках. Использование императорами тайной полиции и доносчиков для выяснения мнения народа о государственной власти говорит о том, что августейшие особы всё же понимали: людям бывает свойственно лицемерие и подхалимство, и окружающие государя чиновники далеко не всегда говорят ему в глаза то, что думают на самом деле. В этой книге мы пытаемся проникнуть сквозь завесу пустых славословий и представить себе реальный образ мыслей простых римлян и их истинное отношение к императорской власти.

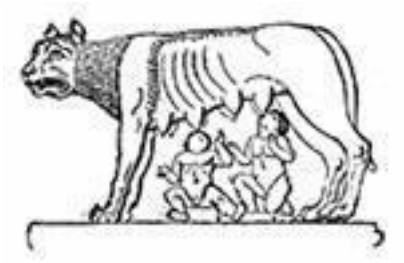
Главным образом мы попробуем осмыслить и связать между собой два парадокса, насквозь пронизывавших всё римское общество. Представим их в форме вопросов. Первый: если римское право оказалось по большому счету не способно ни сдерживать преступность, ни защищать большинство граждан, то почему в таком случае римляне посвящали столько времени и энергии его усовершенствованию – до такой степени, что и спустя две тысячи лет оно остается основой всего европейского права? Второй: почему Римская империя так долго существовала и стабильно функционировала, хотя даже ее правители и чиновники оказывались регулярно замешанными в должностных злоупотреблениях, коррупции и уголовных преступлениях? Ответ на первый вопрос: закон представлял и защищал интересы богатых и власть имущих, которые не жалели ресурсов на развитие судебно-правовой системы, состоящей на службе их социальному слою. Отвечая на второй вопрос, нам остается только констатировать крайне низкий уровень ожиданий большинства людей, в основном и не рассчитывавших на помощь со стороны государства. Да и что им еще оставалось, кроме как мириться с гнетом и в меру сил и способностей жить своей жизнью, стараясь хоть как-то ее улучшить?

С чего начал, тем и закончу – и скажу даже больше: я не вижу ни единой причины, по которой эта книга могла бы заинтересовать российского читателя.

Джерри Тонер

Обвинение

Рим – к ответу!



ЦАРЬ СРАЗУ ЖЕ ОСОЗНАЛ УГРОЗУ. Дочь соперника родила мальчиков-близнецов: подрастут – будут претендовать на престол. Вот и распорядился он по своему царскому разумению утопить приплод в Тибре. Вышла, однако, незадача: река разлилась настолько широко, что к ней было невозможно подступиться, – и нерадивые слуги оставили плетеную колыбель с новорожденными на полой воде у берега: авось смоет ее течением – и новорожденные утонут. Однако вышло иначе: паводок отступил, а корзина с малышами так и осталась на топком берегу под сенью смоковниц. Спустилась к реке на водопой кормящая волчица, обнаружила плачущих младенцев. Волчица утолила жажду и могла бы легко растерзать их, но вместо этого дала сосцы голодным человеческим детенышам и облизывала их, пока они насыщались молоком. Вскоре их заметил пастух Фаустул и отнес домой, к жене по имени Акка Ларенция. Они усыновили найденышей, нарекли Ромулом и Ремом и воспитали вместе с собственными детьми.

Мальчики росли удивительно крепкими и сильными. На долгих охотничьих вылазках в окрестных лесах они заодно с дичью убивали и разбойников. Прирожденные лидеры, братья увлекали вместе с собой юных искателей приключений. А как только набралось у близнецов последователей на боеспособную дружину – они пошли войной на тирана, некогда пытавшегося их утопить. Произошла битва, царь упустил возможность добиться легкой победы, и имя его навсегда исчезло из летописей. Так забывают великих.

Братья почувствовали необходимость основать собственный город недалеко от того места, где их когда-то обнаружил приемный отец. Все окрестные деревни были перенаселены, желающих присоединиться к паре вдохновенных молодых людей набралось хоть отбавляй, и, казалось, градостроительный проект был обречен на успех. Увы, договориться о точном месте закладки города братьям не удалось. Ромул предпочитал холм Палатин, а Рем – холм Авентин. На повестке дня стоял и другой интересный вопрос: в честь кого из братьев назвать город? Ведь они близнецы, нет ни старшего, ни младшего. Так и не договорившись, братья начали создавать поселения каждый на своем холме, а разрешение спора оставили на усмотрение богов.

Вот что они договорились сделать: в определенный момент каждый пересчитает птиц в небе над своим холмом. Боги ясно укажут, кто прав, послав в сторону одного из холмов большую стаю. Каждый из братьев расположился на своем холме, и они начали вглядываться в небо. Ни единой птицы не предстало взгляду Ромула, но он решил перехитрить брата и отправил за ним гонцов с приглашением явиться и убедиться в его победе. Получив такое известие, Рем, естественно, решил бы, что проиграл. Гонцы, впрочем, устыдились столь бесчестного обмана и, вероятно, усомнились, верно ли они выбрали себе господина, а потому спешить не стали. Между тем Рем насчитал шесть парящих коршунов и решил, что победил… Но прямо к его прибытию вдвое больше птиц явилось Ромулу. Обе стороны заявили о своей победе: Рем на

том основании, что усмотрел птиц раньше, Ромул – утверждая, что насчитал их больше. Страсти накалились, посыпались удары, и в ходе драки Рем погиб. Теперь Ромул мог назвать город в свою честь. Так и был основан Рим.

Историк Тит Ливий называет точную дату основания: 21 апреля 753 года до н. э. Вот только труд самого Ливия был создан примерно через 750 лет после описываемого события, что заставляет усомниться в точности датировки. Историк не мог доподлинно знать эту дату. Сохранилось немало других версий событий той поры. В некоторых из них утверждается, что Рем высмеивал Ромула и возводимую им стену города, перепрыгивал через нее, громко оскорбляя и понося за оборонительную непригодность, пока не довел брата до вспышки ярости, жертвой которой и пал. Один из источников даже возлагает вину за гибель Рема не на Ромула, а на одного из его сторонников. Самое раннее из дошедших до нас свидетельств – датированное примерно 200 годом до н. э. сообщение древнеримского историка Квинта Фабия Пиктора, которое тоже отстоит от предполагаемого события; впрочем, всего на полтысячелетия. Три самых известных сегодня источника – появившиеся примерно в одно время сочинения Ливия и Дионисия Галикарнасского, а также датированное II веком н. э. жизнеописание Ромула, созданное Плутархом. Сразу бросаются в глаза расхождения относительно точного года основания Рима, указанного в античных источниках: разные авторы датируют событие 814, 753, 752, 751, 748 и 729 годами до н. э. Однако все эти предания записаны уже после того, как Рим начал господствовать в Средиземноморье, и говорят нам куда больше о том, как поздние римляне думали о себе, нежели о реальных событиях времен основания города. Не исключено, конечно, что в некоторых легендах содержится и зерно правды. Вполне вероятно, что Рим действительно был основан человеком по имени Ромул. Возможно, существовали и братья-близнецы, которые разругались из-за выбора места поселения, а затем и подрались смертным боем из-за его названия. Но самое важное во всех этих мифах – самоидентификация поздних римлян. Миф об основании города давно считается и объяснением особого характера римлян, и источником ответов на вопросы о причинах преуспеяния и величия Древнего Рима.

Миф дает ответы на подобные вопросы, но далеко не все из них устроят нас. Почему в основе легенды лежит такое чудовищное преступление, как братоубийство? В конце концов, умерщвление ближайшего родственника считалось в древнеримском обществе особо тяжким преступлением. Виновных в нем злодеев не казнили через обезглавливание или сожжение на костре, а зашивали в мешок вместе с собакой, петухом, змеей и обезьяной и швыряли в море или Тибр. Эта гипертрофированная форма казни хорошо отражала основополагающее значение, которое римское общество придавало институту семьи. То, что важнейшая роль в предании отведена настолько отвратительному преступлению, наводит на предположение: римляне сознавали темную сторону своей коллективной личности. Поздние римляне, заглядывая в глубь себя, наблюдали застарелое безжалостное жестокосердие, которое одно только и объясняло, как удалось им покорить всё Средиземноморье. Должно быть, умерщвление Рема символизировало способность римлянина ставить государство превыше всего, включая родного брата. Власть значила больше, нежели что-либо иное, и если для получения политического контроля требовалось уничтожить собственную семью – значит, это следовало сделать. История с основанием города лишь подчеркивала способность римлян к насилию и демонстрировала понимание ими всей меры жестокости, которая может потребоваться от правителей. Она поднимала вопрос о диковинном смешении кровей в их родословной. Если основатели города родились у царской дочери, тут же были брошены, а затем воспитаны пастухами, стоит ли удивляться грубости и даже жестокости римлян? Во многом история становления Рима служила еще и метафорическим описанием римского народа. Некоторые (в частности, сенаторы) были людьми знатными и благородными, большинство (плебс) – здравомыслящими, приземленными прагматиками, а римский народ в целом обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы править миром в известных ему пределах.

Римляне отдавали себе отчет и в том, что они не заслуживают полного доверия. Очень важное качество для римлян в целом – плебейская дерзость. Разве не Ромул первым пытался обвести вокруг пальца родного брата при подсчете птиц? Да еще и перед лицом богов? Римлянам нравилось веровать в то, что боги на их стороне, – весьма уютно устроились они под защитой доктрины *Pax deorum* («мира с богами»). Вот только разве не их легендарный основатель пытался в открытую мухлевать в религиозном вопросе? Позднее римляне признали за собой замечательную способность использовать себе во благо подобные тщательно спланированные гнусности. Одно из толкований мифа даже отрицает фигуру волчицы-кормилицы. Латинским словом *lupae* римляне обозначали также и проституток, и, согласно некоторым трактовкам предания, речь идет о жене Фаустула. Римляне как будто чувствовали, что в их родословной таится некая постыдная тайна, раскрытие которой объяснило бы их психологический портрет.

Конечно, миф об основании города указывал и на положительные качества римлян. Брошенные дети оказались столь жизнестойкими, что было ясно: они представляют собой нечто особенное. Из них выросли красивые и достойные, храбрые и отважные юноши, презревшие опасность и ни перед кем не ведавшие страха. Братья были одинаково дружелюбны со сверстниками и младшими, но при этом открыто насмехались над приспешниками царя. Если кому-то грозила расправа, они вступались за них. Подобно необычайной волчице, что предпочла накормить их, а не растерзать, братья присматривали за теми, кто оказался под их опекой. Судя по рассказам, Ромул был более рассудительным и прозорливым, а при заключении сделок с соседями всем своим видом показывал, что рожден властвовать, а не подчиняться. Оба брата со страстью занимались всем, за что бы ни взялись, будь то упражнения в ловкости, охота или облавы на воров и разбойников. Потому и не удивительно, что слава о Ромуле и Реме разнеслась далеко окрест, а их потомки покорили всё Средиземноморье.

Но римляне знали, что успех дался им дорогой ценой. У Овидия в поэме «Фасты» описано явление приемным родителям призрака Рема, который поведал им о том, что убийством своим оскорблен, но зла на брата не таит и в их взаимной любви не сомневается (IV). Услышав об этом, Ромул с трудом сдерживает слезы; он считает нужным обходиться без прилюдных рыданий и прочей демонстрации человеческой слабости, являя собою живой пример силы духа. Римляне вообще понимали под успехом способность подавлять личные желания и жертвовать ими во благо государства; отсюда и присущая им готовность мириться при необходимости с любыми формами преступного насилия. Однако прежде всего они понимали животную природу своего характера: мощные вспышки злобы, тяга к устрашению и дикости, впитанным с молоком волчицы. Римляне знали, что они воистину сукины дети.

Настоящая книга призывает Древний Рим к ответу. Множество свидетельских показаний говорят о разворачивавшихся там сценах позора, преисполненных вопиющей дикости и насилия, коррупции и разврата. Один современный писатель называет бои гладиаторов в Колизее «кровожадными человеческими жертвоприношениями» и «заведомо мерзейшей изо всех когда-либо изобретенных кровавых забав», а затем доходит до утверждения, что «самыми разрушительными явлениями в истории человечества стали нацизм и римские гладиаторы». Завоевательные войны Рима сопровождались тем, что Эдуард Гиббон[1] описал как «безостановочное попрание гуманности и справедливости», и в наши дни римские военачальники неизбежно оказались бы на скамье подсудимых Международного уголовного суда в Гааге. Коррупция, по утверждению одного видного академика, «была настолько органически присуща Римской империи, что государственные цели приносились в жертву как противоречащие частным интересам алчных до наживы высокопоставленных чиновников и военачальников, и это в немалой

[1] Эдуард Гиббон (1737–1794) – английский историк, автор многотомного труда «История упадка и разрушения Римской империи» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1788), в котором он систематизировал события I–XVI веков. – *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. переводчика.*

степени поспособствовало краху империи». Да и в более современных популярных интерпретациях – будь то роман Роберта Грейвза «Я, Клавдий» или телесериал «Рим» производства HBO – Римская империя становится синонимом половой распущенности и всевозможных сексуальных извращений. Однако другие авторы превозносили Рим в качестве образца упорядоченного и успешного общества. В их глазах империя эпохи *Pax Romana*[2] обеспечила миллионам людей век*а* мира и свободы от худших страхов – перед набегами и вторжениями, военными поражениями и опустошением, гибелью и порабощением. Римское владычество вдохновило архитекторов на создание множества памятников зодчества в стиле неоклассицизма – от суда Олд-Бейли в Лондоне до Капитолия в Вашингтоне.

Но как всё-таки обстояли дела на самом деле? Была ли Римская империя добропорядочным обществом под управлением императоров, хорошо справлявшихся со своими обязанностями и потому пользовавшихся народной поддержкой? Или же то была жестокая, насквозь криминализированная преступная организация, где закон как таковой нужен был прежде всего для обслуживания интересов власть имущих, а всякая оппозиция подавлялась в зародыше? А может быть, преступное начало коренилось в самом сердце этого общества, ведь оно составляет фундамент мифа об основании города?

Сами фигуры римских императоров вполне отражают присущую Риму двойственность. Есть среди них всем известные одиозные «злодеи» – тираны наподобие Нерона и Калигулы, олицетворение произвола и деспотии. Будучи неподсудными, эти правители поставили себя над законом и нарушили все правила и нормы социального поведения. Но что если они были исключениями? Римом правили и другие императоры, которые делали, казалось, всё возможное для торжества законности и свершения правосудия. Древнеримский историк Светоний, к примеру, утверждает, что император Клавдий не всегда слепо следовал букве закона, а гибко трактовал его сообразно собственным представлениям о справедливости и мог отдать особо опасного преступника на растерзание диким зверям, даже если законом столь суровая кара формально не предусматривалась. Как-то раз, вынося прилюдно приговор фальшивомонетчику, Клавдий услышал из толпы возглас: «Руки бы ему отрубить!» Вспомнив, что глас народа – глас божий, государь тут же призвал на площадь палача с секирой и колодой. Кто же после этого Клавдий – достойный правитель или популист, потакающий вкусам кровожадной публики? Также Светоний рассказывает о странной непоследовательности Клавдия при рассмотрении подведомственных ему дел. Иногда он тщательно вникал во все детали и проявлял искушенность и проницательность, в других случаях выносил суждение и приговор поспешно и бездумно, а иногда вел себя просто глупо. Однажды перед рассмотрением спора о правомерности признания некоего мужа гражданином Рима представители сторон вступили в бессмысленный диспут относительно того, в чем именно – в тоге или в тунике – надлежит тому предстать перед судом, поскольку тога – атрибут гражданства. И тогда, чтобы выказать свою непредвзятость, Клавдий распорядился, чтобы данный муж в ходе прений всякий раз переодевался из тоги в тунику и обратно в зависимости от того, защита или обвинение берут слово. Светоний считает, что подобными действиями Клавдий дискредитировал себя и заслужил всеобщее презрение.

Рассмотрим, однако, поведение Тиберия после того, как претор Плавтий Сильван по невыясненным причинам выбросил из окна спальни свою жену Апронию. Доставленный к императору чиновник заявил, что крепко спал и ничего не видел, так что его жена, вероятно, сама покончила с собой. Тиберий немедленно направился к нему в дом и, осмотрев спальню, обнаружил следы борьбы, свидетельствовавшие о том, что Апронию, скорее всего, сбросили

[2] Pax Romana (*с лат.* «Римский мир») – период относительного спокойствия и процветания Римской империи в максимально широких границах, датируемый разными историками несколько различными временными рамками, но в целом приходящийся на I век до н. э. – II век н. э.

вниз насильственно. Во избежание произвола Тиберий передал дело на рассмотрение сената, который назначил судебную коллегию. До сих пор всё шло благопристойно. Но сразу же вслед за этим бабка Сильвана по имени Ургулания, состоящая в дружбе с императорской семьей, прислала внуку кинжал. Явно исходящий от Тиберия намек был истолкован правильно, и подсудимый велел вскрыть себе вены *(Тацит,* Анналы, IV.22). И снова перед нами не просто красочное описание анекдотичного и, на первый взгляд, нетипичного события, но еще и свидетельство причудливого смешения законности и произвола – явления, весьма характерного для имперского правления.

И всё же в какой степени императоры соответствовали запросам древнеримского общества? Они плохо представляли жизнь широких народных масс населения, так можно ли сказать, что они оказывали хоть сколько-нибудь значимое влияние на жизнь среднестатистического римлянина? У некоторых античных авторов мы находим, кажется, вполне искренние выражения благодарности в адрес правителей, прямо ставящие им в заслугу мир и благополучие на просторах Римской империи: «Вот вы видите, что повсюду царит мирный покой, которым обеспечивает нас, как нам кажется, цезарь, что нет больше ни войн, ни раздоров, ни разгула разбойничьих шаек, ни пиратских [нападений], и можно во всякий час совершать путь по суше и по морю от востока до запада» *(Эпиктет,* Беседы, III.13.9)[3]. Некоторые ученые, однако, усматривают в подобных выражениях чувств лишь проявление верноподданничества, заложенного в самый фундамент империи. Понятно же, говорят они, что закон был суров, хотя и считался единым для всех и направленным на всеобщее благо. Римский историк Велл*е*й Патеркул так описывает методы, использовавшиеся императором Августом для восстановления законности – главной черты его правления после хаоса последних лет эпохи республики:

> …возвращены государству одряхлевшие от долгого бездействия и погребенные правосудие, справедливость, энергия; к магистратам пришел авторитет, к сенату – величие, к судьям – вескость; подавлен театральный мятеж; всем внушено желание или вменено в обязанность поступать правильно: всё правое окружено почетом, а дурное наказывается; низший чтит обладающего властью, но не боится, могущественный идет впереди низшего, но не презирает его (Римская история, II.126)[4].

«Когда цены на хлеб были умереннее? Когда мир был отраднее?» – восклицает он далее, впрямую относя все эти достижения на счет *Pax Augusta* — «Августовского мира», позволившего сохранить самые отдаленные уголки империи свободными от разбоя. Сам император собственным примером побуждал сограждан поступать правильно.

Высочайшая похвала. Но насколько она заслуженна? Предположим, мы приняли описанное здесь за чистую монету. В таком случае нашему взору открывается мир, в котором – даже при не очень-то, по сравнению с современностью, развитой правовой системе – успешно поддерживается мирное сосуществование многомиллионного населения Римской империи. Сама империя, с точки зрения Веллея Патеркула, существовала так долго именно по причине всеобщего консенсуса относительно римского господства. Обитатели подвластного Риму мира в полной мере восприняли и усвоили идеологию правящего класса и, как следствие, сделались скорее добровольными участниками империи, нежели ее подданными. Проблема в том, что эта точка зрения полностью игнорирует внушительный дисбаланс сил между сторонами. Мог ли народ в такой ситуации относиться к императору иначе, нежели с подобострастием? Но вспомним иракцев, радовавшихся при всяком появлении Саддама Хусейна на публике и резко изменивших отношение к нему сразу же после его свержения. Смеем предположить, что и рим-

[3] Фрагменты произведения даны в переводе Г. Тароняна.

[4] Фрагмент произведения дан в переводе А. Немировского.

ляне высказывали в адрес своих властвующих императоров исключительно то, что те хотели услышать. Свое частное мнение они вполне могли держать при себе и относиться к государям совершенно иначе.

Что можно сказать о римском плебсе? Был ли народ в массе своей законопослушен и настолько поглощен «хлебом и зрелищами», говоря словами сатирика Ювенала, чтобы вовсе не заботиться о таких абстрактных понятиях, как справедливость? Мы еще изучим вопрос о том, имелась ли у народа возможность хоть как-то влиять на императоров и откликался ли кто-то из них на требования соблюдения законности и поддержания правопорядка, исходящие из масс народа. Мы послушаем разговоры в римских тавернах и узнаем, как здесь отзывались о властях предержащих. О свободе слова под властью императора-автократа не могло быть и речи, но мы увидим, насколько умело люди облекали критику в безобидные и безопасные обезличенные формулировки.

В предстоящем расследовании нам уготована роль детективов, и для вынесения приговора Римской империи мы займемся сбором доказательств буквально по всему подвластному ей миру, обращая взор не только на императоров и сенаторов, но и на крестьян, ремесленников, наемных работников и на самое дно общества – невольников. Мы кропотливо изучим широчайший спектр источников в поисках документальных подтверждений царившего в Древнем Риме бесправия. В нашем распоряжении обширные своды законов, датированные эпохой поздней империи, и множество дел, дошедших до суда, во всех деталях. Египетские папирусы содержат впечатляющие свидетельства того, как вершилось римское правосудие на местах. Есть у нас и примеры вымышленных преступлений – из упражнений в назидательной риторике и из античной художественной литературы. Древнеримские писатели и историки в основном повествуют о преступных деяниях элиты, зато по дошедшим до наших дней текстам прорицаний оракулов и магических заклинаний можно многое сказать и о страхах простых людей. Христианские тексты не только содержат леденящие душу свидетельства об изуверских пытках и казнях мучеников, попавших в руки римлян (до принятия теми христианства в качестве государственной религии), но и показывают, как этим последним удалось увязать свое обращение с предшествовавшей практикой гонений. Как мы увидим, история христианства в Риме полна вопросов, и нам придется вдумчиво взвесить все «за» и «против», чтобы добраться до истины.

Нам предстоит вынести в отношении Рима судебное решение и определить, были римляне хуже нас или нет. Повинно ли римское общество в том, что большинство населения империи жило в страхе перед всякого рода преступностью? А вдруг сами римляне прививали криминогенную культуру завоеванным народам? Мы рассмотрим, как относились в Риме ко всем сторонам уголовно-процессуального права, включая обвиняемых, обвинителей и свидетелей, как с ними обходились в зависимости от пола, статуса и возраста. Для этого нам потребуется взглянуть на природу и характер преступности в античности – от общепринятых представлений о причинах преступлений и мотивах преступников до попыток профилактики правонарушений; от практиковавшихся наказаний до их восприятия и внушаемого ими страха. Всевозможные преступления – религиозные, связанные с сексуальным и физическим насилием, предательствами и изменами – имели распространение во всем римском обществе; мы выясним, насколько по-разному их воспринимали на каждом сословном уровне. Мы сможем наблюдать за тем, как по мере превращения города Рима в мощный центр глобальной империи в фокусе внимания властей попеременно оказывались самые разные преступления – от государственной до супружеской измены – и как приходилось изыскивать всё новые способы борьбы с ними. Мы рассмотрим роль самих императоров в судебных делах, поскольку тем приходилось лично выносить вердикты по самым разным вопросам – от допустимых блюд в меню таверн до приговоров провинившимся рабам. В конце книги мы попробуем ответить на вопросы: Изменилось ли что-то с принятием христианства в поздней Римской империи? Возымело ли учение

Иисуса Христа перевоспитывающее воздействие на римский характер? Или древние римляне так и остались необузданными и грубыми животными, коими были во все времена?

Доказательства

Глава 1
Нероновы разбои и прочая насильственная преступность

С НАСТУПЛЕНИЕМ ТЕМНОТЫ император Нерон, переодевшись рабом, отправлялся по римским закоулкам и кабакам. Это имело место еще до Великого пожара 64 года (в организации которого также обвиняли Нерона); в ту пору улочки старого города были узки и извилисты, а кроме того, не имели системы освещения. Затаившись в темноте, император подкарауливал ничего не подозревавших одиноких прохожих и свирепо набрасывался на них из засады; в случае сопротивления он закалывал жертву и сбрасывал тело в сточную канаву. Лишь одному из повстречавших императора достало сил и самообладания дать ему достойный отпор: мужчина поколотил обидчика чуть ли не до полусмерти. Но этого смельчака Нерон запомнил и вскоре принудил к самоубийству. Государь не гнушался и грабежом лавок: добычу он продавал с торгов, которые устраивал прямо у себя во дворце. Ну а после того, как по городу разнеслась весть о том, что сам император пустился во все тяжкие, нашлось множество желающих последовать его примеру. Поговаривали, что в Риме расплодилось много мародерствующих банд, и по ночам казалось, будто город захвачен врагом *(Светоний,* Нерон, 26).

Всем этим государь занимался, разумеется, по молодости. Нерон стал императором в шестнадцатилетнем возрасте и в начале своего правления был даже симпатичен римскому народу. Возможно, люди и дальше закрывали бы глаза на его ночные бесчинства, равно как и на его похотливость, экстравагантность и жестокость, списывая их на простительные свойства молодости, если бы в какой-то момент не стало ясно, что все эти мероприятия – проявление неискоренимых черт характера Нерона. Как только город окутывала тьма, молодой император оказывался не в силах противостоять тяге к нечестивым выходкам, раскрывавшим всю меру его одержимости насилием и полного презрения к нормам человеческого общежития. Как правило, римляне умели прощать юношам грехи и не слишком тревожились из-за их попоек, драк и визитов к проституткам. Как говорил Цицерон, легкомыслие свойственно цветущему возрасту. Так что, покуда поведение молодых людей не выходило за рамки, им никоим образом не возбранялось «выпускать пар», прежде чем они остепенятся и приступят к серьезным взрослым обязанностям (излишне и говорить, что на девушек подобное отношение не распространялось – их воспитывали в строгости).

Однако Нерон – случай особый. Что-то словно принуждало его к нарушению не каких-то отдельных, а всевозможных норм и правил, и он демонстрировал сексуальную разнузданность, неуважение к имущественному праву и склонность к насилию. Он преступал закон с замечательным постоянством. Каждый вечер, скрыв лицо под париком или шапкой (у современной

неблагополучной молодежи для этого есть капюшоны), в поисках острых ощущений он отправлялся бродить по запутанным, темным и опасным улицам ночного Рима. Его явно тяготило заточение в стенах дворца, где мать и умудренные жизнью менторы целыми днями читали ему нотации о том, как надлежит ему жить и поступать, чтобы стать достойным императором. Впоследствии Нерон избавится от этих назойливых стариков, но в первые годы ему приходилось слушаться их… днем, чтобы потом, под покровом ночи, заниматься тем, чем хочется. Похоже, он побаивался, что его уличат в ночных похождениях, и даже научился сводить полученные в драках синяки при помощи особой мази с травой тапсией[5]*(Плиний,* Естественная история, XIII.126). В общем, Нерон притворялся, что умеет вести себя так, как подобает императору, но, сбегая в город, терял всяческую осторожность и шел на любой, самый отчаянный риск: в одной потасовке он едва не лишился глаза и вообще чудом не погиб. Казалось бы, безрассудное юношеское заигрывание со смертью. Но выяснилось, что молодой государь был еще и труслив. Чудом избежав смерти от руки одной из жертв, впоследствии Нерон отправлялся на поиски ночных приключений лишь в сопровождении телохранителей. Те держались поодаль, но в любой момент готовы были вступиться за императора, если бы в очередной заварушке начали одерживать верх его противники. Психопат и трус одновременно – определение, со всей полнотой характеризующее степень неуравновешенности юного Нерона.

И всё же это невероятно: глава римской правовой системы, верховный судья и «лицо» римского права император Нерон упивается насилием и разбоем. Конечно, предания о его преступлениях имели целью показать, насколько плохим правителем он был, но в результате о пороках Нерона мы знаем больше, чем о пороках почти всех остальных императоров. Предположим, что жестокость Нерона несколько утрирована, да и прочих римских правителей не стоит считать святыми. Тогда возникает другой вопрос: как получилось, что Нерону сходили с рук его преступления, при том что он возглавлял крайне сложную судебно-правовую систему? На какие мысли о реалиях античного Рима наводит нас фигура императора-разбойника? Что если память о насилии, учиненном Ромулом над собственным братом, продолжала довлеть над миром Древнего Рима и в позднейшие времена?

Насилие по-римски

В наши дни принято классифицировать агрессивные действия. Как правило, насилие мы делим на физическое, сексуальное, психологическое и эмоциональное. В свое время римляне немало размышляли над вопросом о границах дозволенного, но их трактовка состава преступления *iniuria* (оскорбление личности) сильно отличается от современной. Вот, к примеру, разъяснение одного видного юриста того времени: «*Iniuria* совершается не только тогда, когда кто-нибудь, например, кулаком или палками будет бит или даже высечен, но и тогда, когда кого-либо бесчестят» *(Гай,* Институции, III.220)[6]. Репутация вообще имела для римлян огромное значение, поскольку явным образом отражала их социальный статус. Безосновательное публичное поношение чести воспринималось ими не менее болезненно, чем телесные травмы. В равной мере это касалось и письменных пасквилей в прозе или стихах. В наши дни злословие и клевета ранят чувства куда меньше. Автору этих строк, наверное, даже польстит, если кто-нибудь не поленится очернить его в поэтической форме (впрочем, не сочтите это за приглашение). И хотя в современных законах о защите чести и достоинства и прослеживаются некие остаточные проявления столь щепетильного отношения к клевете, позволяющие знаменитостям взыскивать через суд компенсации за репутационный ущерб, причиненный им кле-

[5] Тапсия гарганская *(Thapsia garganica)* – средиземноморское растение семейства зонтичных, содержащее активное вещество тапсигаргин. В настоящее время проходит клинические испытания на предмет его эффективности при раке мозга.

[6] Фрагменты произведения даны в переводе Ф. Дыдынского.

ветническими публикациями или высказываниями в интервью, все мы прекрасно понимаем, что это не более чем игрушки для богачей. Большинство рядовых граждан попросту недостаточно состоятельны и не имеют возможности окупить хотя бы судебные расходы на защиту своей чести и достоинства (именно поэтому газеты и вольны выставлять «маленьких людей» в сколь угодно дурном свете). Столкнувшись с уличным хамством или словесными оскорблениями в интернете, чаще всего мы лишь недоуменно пожимаем плечами. Все мы, конечно, признаём, что слова способны ранить, однако же находим их куда более безобидным оружием, нежели палки или камни. Вот и вся разница. В Древнем Риме индивидуум считался подчиненным общине, к которой принадлежал. Мнение общины о том или ином человеке значило несоизмеримо больше, чем его или ее мнение о себе. Поэтому всё, что угрожало репутации, то есть статусу человека в глазах общественного мнения, римляне воспринимали как смертельно опасный вызов, как покушение на саму их личность. Разумеется, столь серьезная угроза могла вызвать только бурную реакцию.

Тесная связь между понятиями «статус» и «оскорбление» означала, что римлянам было чуждо представление о том, будто жертвой оскорбления в их трактовке понятия *iniuria* может оказаться, например, раб. Если побить раба, считали они, оскорблен будет лишь его господин *(Гай,* Институции, III.222). Согласно этой логике преступлением было, например, даже просто сводить в таверну и обучить игре в кости чужого раба, поскольку это могло бы «испортить» его. Подмигнуть женщине, к примеру, считалось не меньшим оскорблением, чем облить ее нечистотами, поскольку и то и другое в равной мере свидетельствовало о неуважении к социальному статусу женщины и о стремлении обесчестить ее в глазах общества. Оскорбленным могло оказаться общество, если бы кто-нибудь, например, заразил источники воды. Это считалось весьма серьезным преступлением, поскольку свидетельствовало о неуважении к общественному порядку, и за это римский закон требовал сурового наказания (Дигесты, XLVII.11.1.1).

Рим погряз в насилии?

Сатирик Ювенал живописует крайне неприглядную картину разгула насилия на улицах Рима, перечисляя в своей третьей сатире множество опасностей, подстерегающих бедного ночного прохожего (Сатиры, 111.281–308). Если верить этим строкам, то римлянин, отправившись вечером на пир, не оставив завещания, поведет себя крайне безрассудно. На каждом шагу его поджидает смертельная опасность. В лучшем случае ему на голову из окна опорожнят ночной горшок. Или он нарвется на кровожадного пьяного громилу, который держится подальше от богачей под охраной рабов, а вот пришибить бедняка для такого в самый раз. Или же падет жертвой банды пришлых бродяг с ножами… Подобную картину мы обнаруживаем у историка Ливия, творчество которого приходится на правление Августа. Он описывает эпизод, имевший место пятью столетиями ранее: как-то раз, гуляя ночью по городу, простолюдин Вольсций и его брат столкнулись с группой пьяных молодых гуляк из числа аристократов, питавших глубочайшее презрение к представителям низших социальных классов. «Сперва они глумились над нами и всячески оскорбляли, – рассказывает Вольсций, – поскольку юнцы, когда пьяны и заносчивы, имеют обыкновение подвергать безропотных бедняков надругательствам». В последовавшей драке братья были избиты до бесчувствия (История Рима, III.13)[7].

Насколько достоверна эта картина? И можно ли верить свидетельствам Ювенала? О жизни сатирика нам практически ничего не известно, но то, что он в совершенстве владел стихосложением, говорит о его высокой образованности и, следовательно, происхождении из знатного и богатого рода. Если так, то с какой стати ему было бродить по грязным римским закоулкам в неурочное время? И главное: сатирик на то и сатирик, чтобы использовать гипер-

[7] В русском переводе эта история предстает в несколько ином ключе.

болу и утрировать события смеха ради. Похоже, это не самый надежный свидетель, и его слова не стоит принимать за чистую монету.

В римских кодексах вообще крайне мало внимания уделяется нападениям, в том числе и с причинением вреда здоровью. Так что же, это говорит о безопасности городских улиц? Вовсе нет, лишь о пренебрежительном отношении римской юстиции к подобным мелочам, которые даже до суда доводить недосуг. Ведь законы писались теми самыми богатеями, на которых, как сетовал Ювенал, никто не нападает, поскольку они всегда пребывают под защитой эскорта. Поэтому они считали уличное насилие чем-то банальным, предметом, не заслуживающим правового регулирования. Эпизоды, мелькающие в некоторых текстах, кажутся слегка утрированными, ими можно пользоваться лишь в теоретических дискуссиях. Так, в «Дигестах», масштабном собрании выдержек из юридической литературы, созданном в VI веке по приказу византийского императора Юстиниана I, мы находим следующий случай. Как-то ночью на улице некий лавочник поставил фонарь на камень перед своей лавкой. Какой-то прохожий взял его, и лавочник последовал за этим человеком и потребовал вернуть вещь. Вор начал бить лавочника плетью, и тут действие приняло новый оборот. Лавочник выбил вору глаз. После этого владелец магазина обратился к адвокату с вопросом, виновен ли он в причинении увечий, ведь вор ударил первым. Юрист ответил, что, поскольку вор был вооружен куском металла и нанес первый удар, то сам он и виноват в потере ока. Но если бы лавочник ударил первым, виновным назвали бы именно его (Дигесты, IX.II.52.1).

Это весьма характерный пример уличного насилия, такие чаще всего и рассматриваются в римских судебниках. На первый взгляд этот казус можно счесть показателем будничности насильственной преступности на улицах Рима, заключив, что ночной город прямо-таки кишел грабителями и самооборона была единственным средством, на которое оставалось рассчитывать честным гражданам в надежде отстоять от посягательств свое имущество. Однако можно задуматься и установить, что перед нами всего лишь гипотетический пример, предназначенный для обсуждения на занятиях и целиком выдуманный теоретиками права. Он вполне созвучен задачкам о пределах допустимой самообороны при защите собственности от посягательств из современных учебников. Более того, это почти карикатура на представление о жизни улиц, которое составлял себе типичный патриций. Но даже если в этом отношении мы заблуждаемся, а пример имеет под собой реальную основу, допустимо ли экстраполировать его до масштабов общей картины, позволяющей судить об уровне преступности в римском обществе? Можно ли с уверенностью утверждать, что Рим был наводнен преступным отребьем? Лично я живу в Кембридже, одном из наиболее безопасных городов мира, но изредка и у нас попадаются пьяные хулиганы и дебоширы, в том числе и в самом центре города. Если прекрасным поздним субботним вечером мне доведется услышать, как кто-то крушит мусорные баки у меня на задворках, едва ли я ринусь на улицу унимать хулиганье. А если мне приспичит подраться, так я, наверное, отправлюсь в паб, где, как правило, и собираются любители подобных развлечений. Как бы то ни было, в нашем городе ни то ни другое и близко не считается нормой поведения. Так и в случае с римским лавочником: сам факт, что он спокойно оставил светильник за порогом, свидетельствует о том, что это было его повседневной привычкой, то есть он делал так каждый вечер, и ничего криминального обычно не случалось – ни попыток хищения, ни драк.

Или возьмем другой пример из того же источника. Мальчишки на улице развлекались метанием дротиков. Один из них бросил дротик слишком сильно и по неосторожности попал им в руку цирюльнику, который в это время брил раба (распространенный в те времена уличный промысел). В результате цирюльник, не имея на то умысла, перерезал рабу горло. Вопрос: кто отвечает за ущерб, причиненный владельцу раба? Юнец, метнувший дротик? Брадобрей, повадившийся ставить кресло для клиентов посреди улицы, где, между прочим, не запрещено играть в дротики? А может быть, сам раб и виноват в том, что доверился цирюльнику, поставившему свой стул в опасном месте (Дигесты, IX.II.11, преамбула)?

Тут, опять же, обращают на себя внимание до неправдоподобия колоритные детали – бритье клиентов не где-нибудь в тихом переулке, а на оживленной улице; то, что раб ходит к цирюльнику. Да и сама причина гибели раба нелепа, словно взята из анекдота. Неужели можно думать, что подобное случалось регулярно? Снова перед нами нарочито гипотетическая ситуация, придуманная исключительно для рассмотрения соответствующих правовых коллизий. Мы не хотим сказать, что на римских улицах царили тишь да гладь: всегда имел место тот или иной риск. Но законом предусматривалось наказание, к примеру, и для заклинателей змей, которые показывают прохожим своих питомцев, – на тот случай, если рептилии причинят кому-нибудь вред (Дигесты, XLVII.XI.11). Но мы же не будем всерьез считать, что заклинатели змей встречались в Риме на каждом углу, а их пресмыкающиеся питомцы то и дело нападали на зевак?

Оценивать степень распространенности уличной преступности в античном Риме довольно сложно еще и в связи с тем, что во всех отношениях этот город был неповторим. В пору расцвета Рима численность населения в городе достигала миллиона человек. Армии доступ в город был, как правило, закрыт, а охрана порядка поручена *vigiles* (дозорным) из учрежденной при Августе ночной городской стражи; однако их первоочередной задачей было всё-таки пожаротушение (город-то по преимуществу оставался деревянным), а пресечение воровства являлось вторичной функцией. Богатые обитатели больших домов имели возможность защищать себя от вторжений самостоятельно, выставляя охрану, состоявшую из рабов, и отстраивая высокие заборы. За городской чертой Рима для поддержания порядка значительно чаще использовали солдат, тем более что многочисленные войска как раз и были расквартированы за городом. Как правило, этого было вполне достаточно для обеспечения мира и спокойствия. Начнем с того, что правительство и так очень рьяно следило за поддержанием общественного порядка: так, любые мятежи, восстания и налоговые бунты пресекались в зародыше. Солдаты были расквартированы по городам и весям, что явно подразумевало их помощь в поддержании правопорядка. Центурионы (сотники) на местах принимали жалобы от населения по поводу даже относительно мелких нарушений и имели возможность зорко следить за смутьянами. Мы не хотим сказать, что малочисленное, но повсеместное присутствие военных в должной мере обеспечивало стабильность на всей обширной территории империи; это лишь опровергает мнение, будто правительство не питало ни малейшего интереса к борьбе с мелкой преступностью на местах. А сегодня – часто ли вам доводится видеть полицейских на улицах? А разве их отсутствие в поле нашего зрения говорит о высоком уровне преступности или пассивности властей? Напротив, малочисленность полиции вполне может свидетельствовать о законопослушном населении; о том, что буквально нескольких офицеров достаточно для удерживания подавляющего большинства граждан от реализации каких бы то ни было преступных замыслов.

Сформировать заключение относительно реального уровня насилия, существовавшего в древнеримском обществе, затруднительно сегодня еще и вследствие нашего предвзятого отношения к проблеме. Античный Рим привычно ассоциируется в нашем сознании со строгим порядком и добротным государственным управлением. Об этом наглядно свидетельствуют даже наши вкусы в архитектуре: возводя здания всевозможных государственных учреждений, мы охотно придерживаемся традиции классицизма. Особенно это заметно на примере памятников архитектуры XIX и начала XX века, когда владыки европейских империй всячески подчеркивали свою преемственность по отношению к великой Римской империи. Более современным и демократичным властям также свойственно всячески подчеркивать свою верность римской традиции. Достаточно вспомнить монументальные публичные здания в Вашингтоне, столице США. Тот же Капитолий, где заседает Конгресс, самим своим названием равняется на Капитолийский холм, где в античности проводились заседания римского сената и народные собрания. А колоссальный монумент Вашингтону в виде высокого обелиска в древнеегипет-

ском стиле отсылает нас ко множеству подобных колонн, привнесенных в облик Рима в качестве символов его имперской мощи. Рим прочно ассоциируется с государственной стабильностью, сильной властью и строгим порядком – и в массовом сознании, и в популярной культуре. Даже в фильме «Житие Брайана по Монти Пайтону»[8] один из последователей Брайана вынужден в разговоре с Реджем признать, что римское господство приносит Иудее немало полезного: «И по улицам ночью теперь не страшно ходить, Редж».

На деле римское владычество, конечно же, отнюдь не всегда и не во всем благотворно сказывалось на жизни порабощенных народов. Да и солдаты далеко не всегда употребляли силу лишь для наведения порядка. Император Септимий Север заслужил упреки в привнесении в жизнь Рима беззакония как раз из-за того, что разместил в стенах города слишком много войск. Всякий, кому доводилось жить по соседству с армейскими казармами, подтвердит, что солдаты имеют обыкновение привносить в жизнь городка и толику беспорядка. Еще хуже то, что Север, если верить источнику (автор которого, впрочем, несколько высокомерен), отказался от привычной практики набора преторианцев исключительно среди жителей Италии, Испании, Македонии и Норика (провинция на территории современной Австрии), а стал принимать на службу солдат отовсюду, рассчитывая, что получит гвардию, лучше знакомую с воинскими обязанностями. Казалось бы, справедливо, – вот только, как сетует историк, в результате привлечения в гвардию выходцев из самых разных земель Рим наполнился «разношерстной толпой солдат самого дикого вида, совершеннейшей деревенщиной в речах и обхождении» *(Кассий Дион,* Римская история, LXXV.2.4–6)[9]. Снобизма Диону, конечно, было не занимать, но правда и в том, что солдатам иногда свойственно самостоятельно устанавливать порядки. А кроме того, римские воины снискали дурную славу среди населения многих городов и селений, которые хищнически разграбили.

Многие государственные усилия по борьбе с преступностью вовсе не подразумевали назначения уполномоченных или чиновников, отвечавших за обеспечение правопорядка. Вместо этого правительство реагировало на разгул насилия мерами устрашения, в частности показательными казнями преступников, которых удавалось задержать. Как отмечалось в одном законе, «признано, что пользующихся дурной славой разбойников следует распинать на крестах в тех местах, где они занимались разбоем, чтобы и другие, видя это, удерживались страхом от подобных преступлений». Власти полагали также, что родным и близким жертв будет «утешением, что наказание осуществлено в том же самом месте, где разбойники совершали убийства»[10]. Руководствуясь той же логикой, особо опасных убийц приговаривали к растерзанию зверями на арене (Дигесты, XLVIII.XIX.28.15). Сегодня такой подход шокирует нас своей излишней жестокостью: всё-таки наказание должно быть соразмерно преступлению. Но не следует забывать, что это лишь современная точка зрения. А между тем вплоть до XIX столетия считалось само собой разумеющимся, что преступников следует наказывать примерно, дабы другим было неповадно им уподобляться. Раз уж всех головорезов переловить не получится, так лучше уж тех, кто попался, карать с показной жестокостью – в назидание остальным и в надежде повлиять на нравы и поведение криминального мира. Таково было общепринятое мнение.

Классификация насильственных преступлений

Преступное насилие всегда отличалось разнообразием форм. Убийство, судя по всему, считалось предосудительным в человеческом обществе всегда и везде, и Древний Рим тут не

[8] «Житие Брайана по Монти Пайтону» – британская кинокомедия 1979 года, высмеивающая шаблонные представления об эпохе и событиях, описанных в Евангелиях.

[9] Фрагменты книги LXXV даны в переводе Н. Сивкиной.

[10] Здесь и далее фрагменты «Дигест» даны в переводе под редакцией Л. Кофанова.

исключение. В римском праве проводилось четкое различие между предумышленным убийством и случайным лишением жизни. Если один человек пронзил другого мечом, убийство считалось преднамеренным. Если же в драке один человек ударил другого подвернувшимся под руку предметом, пусть и металлическим, но не с намерением убить, то следовало смягчить наказание (Дигесты, XLVIII.VIII.1.3). Как мы вскоре увидим, при определенных обстоятельствах даже убийство грабителей оставалось ненаказуемым. Таким образом, в отношении трактовки бытового насилия или самообороны и защиты имущества древнеримское право немногим отличалось от современного.

Что действительно поражает, так это обилие насильственных преступлений на бытовой почве среди местного населения на всей территории Римской империи. В датированной 47 годом н. э. жалобе описан спор между скотоводом и наемным пастухом, требовавшим выплаты задолженности. По словам работника, хозяин сначала принялся оскорблять его и его жену, а затем жестоко избил женщину, невзирая на ее беременность. В результате ребенок родился мертвым, а жена пастуха слегла *(P. Mich.* 228). Текст заставляет почувствовать атмосферу тяжелой борьбы за выживание, которую вела большая часть населения Римской империи. Никаких добрососедских отношений. Напротив, мы видим общество, где каждый бульдожьей хваткой вцепился в то немногое, что имеет, а неимущие остервенело бьются за то, чтобы хоть что-то урвать. Здесь важно постоянно помнить еще и о том, что ни о каком ощутимом экономическом росте в античном мире не было и речи; большинство населения, вероятно, балансировало на грани физического выживания. Скудность ресурсов делала рядовых жителей империи крайне уязвимыми перед лицом любых экономических потрясений. Неудивительно, что подобный социальный контекст порождал жестокую конкуренцию, при которой каждый видел в соседях злейших соперников в борьбе за скудные ресурсы, а не ближних, с которыми нужно делиться последним куском. Из другой жалобы следует, к примеру, что некий чиновник по имени Аврелий Гераклеид понес имущественный ущерб от кого-то из завистливых соседей. Пока он был в отлучке по делам, из его хозяйства пропал осел, а позже животное нашли связанным и умерщвленным, предположительно кем-то из местных жителей, затаивших зло на чиновника *(SB* 6.9203). Еще пример: жена некоего Немесия, сборщика налогов, заявила центуриону о бесследном исчезновении мужа, ушедшего из дома в Филадельфии (современный Эль-Файюм в Египте) днем 2 марта 207 года. Поиски пропавшего без вести не принесли результатов *(P. Gen.* 17). Судьба этого человека неизвестна, но, судя по всему, незавидна.

Образ жестокости – часто, казалось бы, беспричинной – красной нитью проходит через все материалы, дошедшие до нас из Египта эпохи римского владычества. Житель деревни Новые Птолемии заявил о поджоге неизвестными его гумна *(BGU* 2.561). Некто по имени Петсир жалуется на соседа Патуния, жестоко избившего его за то, что он ехал на своем муле через недавно возделанный соседский огород *(P. Mich.* 5.229, 48 год н. э.). Множество конфликтов разгоралось вокруг прав на землю, что зачастую бесповоротно портило отношения между соседями. Один из законов предусматривал наказание за ночную порубку фруктовых деревьев в чужих садах. И какие мотивы могли быть у столь пакостных действий, кроме черной зависти или лютой ненависти к соседям? В целом люди, похоже, были быстры на расправу в случае любой конфронтации. В 218 году некий Афинх подал жалобу на кондитера Ахилла, избившего его рабыню и изуродовавшего ей губу. Первый высказал обидчику всё, что думает «о его необычайной гнусности». Перепалка быстро переросла в драку. «Затем он напал и на меня с кулаками и бранью, – заявляет потерпевший. – Мало того, он меня еще и камнем по голове ударил» *(P. Oxy.* 33.2672.11–18). Во всех этих жалобах поражает изобретательность, с которой люди, не ограничиваясь словесной бранью, наносили друг другу физический вред, используя помимо кулаков и мечи, и дубины, и любую подвернувшуюся утварь.

Во многих прошениях чувствуется жгучая обида на несправедливость, а также гнев из-за варварского и непристойного поведения преступников. В обвинениях, как правило, мусси-

руются мельчайшие подробности причиненных потерпевшим травм и содержатся требования наказать обидчиков. Очень часто в заявлениях встречаются два весьма красноречивых древнегреческих термина – *bia* и *hubris,* то есть «насилие» и «дерзость». Распространено и обвинение в «бандитских» действиях. Жертвы, похоже, чувствовали себя оскорбленными неподобающим их статусу обращением со стороны обидчиков и явным нарушением этими последними неписаных правил цивилизованного общежития. Частота жалоб, однако, наводит на мысль, что наглое применение силы являлось неотъемлемой частью быта египетской деревни. Зачастую, в конечном счете, лишь насильственным путем разрешались споры даже между давними знакомыми. В других случаях насилие носило спонтанный характер. Бывало, что ограбленных еще и избивали. Но о чем это говорит? О попытках защититься и отстоять дорогие сердцу личные вещи, которые иначе едва ли удастся вернуть? О крайней нужде, побуждающей вцепляться в то, что имеешь, мертвой хваткой и биться до последнего? Или же перед нами лишь примеры ухищрений потерпевших, стремившихся разжалобить судей жуткими подробностями, дабы те приняли их дела к рассмотрению? Вероятно, имели место все три мотива. В любом случае это лишний раз подчеркивает высочайшую значимость статуса человека в глазах местного сообщества той эпохи: мелким в современном понимании происшествиям с незначительным ущербом придавалось в античном обществе огромное значение. А всё потому, что в ту пору все были буквально одержимы погоней за престижем.

Показательно, что и в самом городе Риме уличная жизнь изобиловала насилием, не слишком уступавшим, если судить по дошедшим до нас свидетельствам, в плане интенсивности и частоте происшествий происходящему в земле египетской. Философ Сенека предупреждает: чем ниже классовая принадлежность людей, тем вероятнее ожидать, что они будут «применять силу, ссориться, кидаться в драку и предаваться безудержному гневу» (О милосердии, I.7.4)[11]. Также и у историка Аммиана Марцеллина находим описания бурных споров и ссор среди плебеев в общественных местах Рима IV века (Римская история, XXVIII.4.28–31). Зачастую насилие проистекало из увлечения азартными играми, особенно в тавернах. Сохранились (например, в баре Сальвия в Помпеях) изображения дерущихся игроков, которых хозяин питейного заведения вышвыривает на улицу. Теснота и убогость городского быта, вероятно, также немало способствовали усугублению буйных наклонностей. Иногда драки разгорались из-за вопросов чести, проще говоря – статуса и репутации в окружении. Согласно Цицерону, чувство собственного достоинства было развито у рядовых римлян не столь сильно, как у аристократии, но и для них оно служило мощным стимулом, поскольку «не бывает людей настолько неотесанных, чтобы стыд и обида их не мотивировали» (Подразделения риторики, 91–92). Люди, вероятно, были поистине глубоко озабочены своей репутацией, прежде всего среди соседей, и готовы стоять насмерть, защищая свое доброе имя в глазах местного сообщества.

К слову, отношения между самими местными сообществами бывали настолько натянутыми, что дело порой доходило до омерзительных побоищ. Тацит приводит пару таких примеров. Первый случай датирован 59 годом, когда в Помпеях, «начавшись с безделицы, во время представления гладиаторов <…> вспыхнуло жестокое побоище». Местные жители и жители расположенной неподалеку Нуцерии начали конфликт со словесной перепалки, в какой-то момент принялись бросать друг в друга камнями, затем достали мечи – и полилась кровь (Анналы, XIV.17)[12]. В другом случае всё началось с распрей на почве обоюдных краж урожая и скота между жителями городов Эя и Большая Лепта, что на средиземноморском побережье современной Ливии, а завершилось в 70 году полноценным кровопролитным сражением; стороны выступали в боевом строю. Жители Эи, уступавшие противникам численностью, призвали на помощь гарамантов – свирепый народ, обитавший на границах империи.

[11] Фрагменты произведения даны в переводе М. Позднева.

[12] Фрагменты произведения даны в переводе А. Бобовича.

Вместе они наносили лептийцам тяжелые удары до тех пор, пока лептийцы не попрятались за городскими стенами (История, IV.50). Оба примера, конечно, относятся к разряду крайностей, иначе настолько пропитанный патрицианским духом историк, как Тацит, делами плебеев особо не интересовавшийся, едва ли счел бы их достойными включения в анналы. Тем не менее они наглядно показывают, до каких ужасов порой доводил обитателей Римской империи местечковый патриотизм. Ну а за пределами городов, похоже, повсеместно пышным цветом процветал еще и дорожный разбой. Люди побогаче без вооруженной охраны в путь не пускались. Путники победнее сами охрану нанять не могли и старались держаться ближе к эскортам богачей. Эпиктет, например, советует путешественникам не ездить по дорогам в одиночку, если они слышали, что здесь орудуют разбойники. Нужно подождать, пока в путь отправится посол, помощник правителя или сам правитель, чтобы примкнуть к окружению этих особ и проследовать в безопасности (Беседы, IV.1.91). Но и при таких предосторожностях даже и знатные люди порой пропадали бесследно. В одном из своих писем Плиний Младший рассуждает, есть ли смысл поискать следы без вести пропавшего в пути знакомого всадника Робуста; едва ли, говорит он, что-то получится, поскольку подобная судьба не так давно постигла и его земляка – центуриона Метилия Криспа: «Погиб ли он от руки своих рабов или вместе с ними, неизвестно; только больше не появлялся ни он сам, ни кто-либо из его рабов» (Письма, VI.25)[13]. Также и Цицерон в одном из писем Аттику сетует, что не получал его предыдущего письма, переданного с другом Луцием Квинкцием, поскольку того ранили и ограбили по дороге (Письма к Аттику, VII.9.1).

…А врагов держи еще ближе!

Нередко преступления происходили и на почве дележа наследства. В одном случае некая Сейя завещала пасынку по имени Тиций пять фунтов золота, а тот в ответ обвинил ее в организации убийства его отца. Сейя благополучно умерла до окончания процесса – и посмертно была полностью оправдана. Казалось бы, тема закрыта, но тут же последовала новая дискуссия, вызванная вопросом, обязаны ли теперь другие наследники Сейи выплачивать Тицию указанные в завещании пять фунтов золота, учитывая, что тот лжесвидетельствовал против нее (Дигесты, XXXIV.IV.31.2). Тут, как обычно, встает вопрос о том, описана ли в этом примере гипотетическая ситуация или реальный показательный случай. Однако данная коллизия интересна в другом отношении: дело в том, что именно она послужила основанием не считать принадлежащим преступнику имущество, нажитое неправедным путем, в частности через прямое или опосредованное «убийство родственника».

Для устранения ближних широко использовались яды (см., напр.: Дигесты, XLVIII.IX.7). Потому, вероятно, и в «Оракулах Астрампсиха» один из вопросов прямо так и сформулирован: «Меня отравили?» Этот сборник гаданий включает 92 вопроса, с которыми обеспокоенным своей судьбой просителям предлагалось обращаться к богам за советом, как быть и что делать. Оракулы были очень популярны: в одном только Египте в древних залежах бытовых отходов найдено более десяти экземпляров, а поздняя христианизированная версия благополучно пережила Римскую империю. На каждый адресованный им вопрос богам предлагалось на выбор десять вариантов ответов, и на вопрос по поводу отравления четыре из десяти ответов были однозначно утвердительными. Сомнительно, конечно, что вероятность пасть жертвой отравителей реально достигала 40 %; скорее, это свидетельствует об уровне боязни и подозрительности людей той эпохи и об их склонности во всяком недомогании усматривать злые козни ближних.

[13] Фрагменты произведения даны в переводе М. Сергеенко, А. Доватура и В. Соколова.

Подозрительность такого рода по временам доходила до грандиозных масштабов. Кассий Дион повествует о группе злодеев, промышлявших заказными убийствами путем укалывания жертв иглами, смазанными ядом. Это имело место не только в Риме, но и по всей империи. Особенно много таких убийств, сообщает Дион, приходится на правление императора Коммода (LXVII.11; LXXIII.14). Интересное свидетельство. Однако не стоит делать скоропалительных выводов, обращаясь к теории заговоров, ибо, взглянув на события чуть внимательнее, мы увидим, что два всплеска эпизодов массовых отравлений приходятся как раз на разгар эпидемий чумы. В примере времен Домициана само указание на то, что люди умирали по всей империи, наводит на мысль о более глобальной причине, нежели волна злодейских отравлений в масштабах империи, а именно о пандемическом распространении смертельной болезни.

Вероятно, этот же пример иллюстрирует и природную склонность людей списывать вспышки необъяснимых смертей на происки банд головорезов, что отчетливо высвечивает присущий древним римлянам страх перед организованной преступностью, ничем, в сущности, не отличающийся от того, что довлеет над нами сегодня. Из-за скудности и размытости свидетельств нам сложно судить о реальной численности преступных группировок в античности, однако крайне маловероятно, что именно они несут ответственность за все приписываемые им отравления.

Вообще, насилие у римлян было неотъемлемой частью быта: избиениям подвергались и рабы, и женщины, и дети. Блаженный Августин пишет, что лица многих женщин были обезображены шрамами и следами побоев. Мать Августина говорила, что брачные клятвы, которые дают женщины, «превращают их в служанок», а потому, «памятуя о своем положении, не должны они заноситься перед своими господами» (Исповедь, IX.IX.19)[14]. Принято было, чтобы мужья вели себя подобным образом. Сохранилась поучительная история о некоем Игнатии, забившем жену до смерти за пьянство, и его поступок даже признавался заслуживающим похвалы *(Валерий Максим,* Достопамятные деяния и изречения, VI.3.9). Чтение некоторых жалоб в адрес властей оставляет неприятный осадок и заставляет задумываться о границах дозволенного мужчинам запугивания женщин. В частности, в 381 году некая Аврелия Эйрене пожаловалась на обидчика, который в пылу ссоры хотел лишить ее жизни и «гнусавил оскорбления, уткнувшись ей носом в лицо» *(P. Mich.* 18.793.2–5). Как мы видим, ни намека на понятие личного пространства.

Но женщины и сами, бывало, выступали в роли обидчиц. В одном протоколе рассказывается: некая Дидима, жена повара Агафия Даймона, заявилась однажды вечером домой к потерпевшей, которая жалуется: «…застав меня там в окружении семьи, учинила над нами всяческое насилие – как передаваемое, так и непередаваемое словами». Далее она высказывает свое мнение о моральном облике нападавшей: «Совершенно бесстыжая женщина, преисполненная бравады». Распоясавшаяся обидчица «дошла до такой вершины безумия, что напала на меня во всю силу своей природной горячности и стала наносить мне удары и браниться на моих внучек, стоявших рядом» *(SB*

[14] Фрагменты произведения даны в переводе М. Сергеенко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.